

УОЛТЕР Д. КОННОР

ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ГОРБАЧЕВА: «ПРИНЦИП МАЯТНИКА»*

Уолтер Д. КОННОР — профессор политических наук, социологии и международных отношений, руководитель отделения политических наук Колледжа свободных искусств Бостонского университета, сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета (США). Автор книг: «Deviance in Soviet Society» (1972); «Socialism, Politics and Equality» (1979); «Socialism's Dilemmas» (1988); «The Accidental Proletariat: Workers, Politics and Crisis in Gorbachev's Russia» (1991). В нашем журнале публикуется впервые.

Как оценивать бурные перемены в СССР с приходом к власти Горбачева? Как относиться к традиционному аналитическому аппарату советологии и как быть с теми ее проблемами, что появились благодаря столь резкому разрыву традиции? Мы то воодушевляемся, то теряемся, подчас опускаем руки — но желаем принять вызов и найти смысл в этой мозаике событий. Кому она до сих пор кажется «новой», — эта необычная советская политика, — тому полезно вспомнить, что выпускники колледжей, поступившие в 1985 г. в аспирантуру по специальности «советология», уже закончили шестилетний курс; одни уже доктора наук, другие готовятся к защите диссертаций, а у третьих возникли трудности, т.к. избранный предмет исследования отказывается подчиняться ходу их мысли.

Многие из нас — зрелых специалистов, которые сформировались за 18 лет устойчивой брежневской эры, привыкли хотя бы в вопросах советской внутренней политики отслеживать постепенные изменения или (и) описывать хронические симптомы расстройства советской экономики, политики, общественной жизни, не предвещавшие, впрочем, никаких кризисов. Устройство системы — нетленное наследие Сталина — казалось способным до бесконечности сдерживать негативные процессы и подавлять с помощью репрессий (а также частичной ассимиляции) их дальнейшее распространение.

Эти времена, однако, минули. Вместе с тем, изменились и продолжают меняться наши описательные и аналитические задачи. В данной статье анализируется часть работ**, написанных именно в «эпоху перемен».

*Статья написана в июле 1991 г. — *Прим. ред.*

**White S. Gorbachev in Power. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1990. 268 p.; Zaslavskaya T. The Second Socialist Revolution: An Alternative Soviet Strategy. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 241 p.; Zaslavskaya T. A Voice of Reform / Ed. by Murray Yanowitch. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1989. 191 p.; Lawrence W. Lerner and Donald W. Treadgold, eds., Gorbachev and the Soviet Future. Boulder and London: Westview Press, 1988. 284 p.; Ronald J. Hill and Jan Ake Dellenbrant, eds., Gorbachev and Perestroika. Aldershot, UK: Edward Elgar, 1989. 234 p.

Труд Стефена Уайта «Горбачев у власти» охватывает период с 1982 до первых месяцев-1990 г.; автор начинает с первой постбрежневской фазы (уход Суслова в январе 1982-го; занятие вакансии «второго секретаря» Андроповым и его приход на смену Брежневу в ноябре) и кончает сумятицей на изменившейся до неузнаваемости советской сцене восемь лет спустя, когда горбачевская «революция сверху» быстро уступала место разнообразным инициативам «снизу».

Уайт прослеживает успехи и неудачи первых пяти лет горбачевского правления; это одна из лучших линий анализа в книге, занимающая 219 страниц текста. Ближе к концу сделан вывод, связывающий неудачную реформу и системный кризис, который первая, не таким уж парадоксальным образом помогла выявить: «Программа горбачевской реформы исходила из предположения, что недостатки советской системы ни в коем случае не являются обязательными для социализма, но скорее результатом „субъективных“ просчетов руководства и политического строительства. И в течение более чем пяти лет перестроечного процесса этому положению противоречило буквально все» (р. 216).

В сущности, констатация начала 1990 г. совпадает с тем, что говорят сейчас западные специалисты и большинство советских: старая система ремонту не подлежит, она обречена. Ничто новое уже не станет ее «реформированной версией» и вовсе не обязательно должно сводиться к какому-то переуплощению «социалистического выбора». Возможных вариантов эволюции много, но невзирая на ностальгию андреевых, алкснисов и др., возвращение к прошлому сюда не входит¹.

Уайт подробно исследует процессы этой «непокорной» реальности и вскоре как бы выходит за пределы предлагаемых самим Горбачевым планов реформ — идет ли речь о департизации политических институтов, множасьихся средствах массовой коммуникации, стремительных изменениях в экономике или же о таких малоучитываемых и критически неосмысленных явлениях, как этнические конфликты и сепаратизм.. На этих страницах показана тактическая гибкость Горбачева, но еще более впечатляет поразительная сложность и переплетение политических, экономических и этнических проблем; это проявлялось по мере того, как гласность проливали все больше света в темные доселе углы, и как нарастающая неспособность руководства решительно проводить экономические реформы в течение первых пяти лет провоцировала все большую напряженность и фрустрацию. Это породило новые политические институты вроде Съезда народных депутатов, независимые общественные организации, рабочие стачкомы. Появилась «политика», недостаточно дисциплинированная и организованная, чтобы быть эффективным и самостоятельным источником новой стабильности, однако достаточно сильная, чтобы ее можно было подавить репрессиями.

Изложение Уайтом публично заявленной позиции Горбачева в конце 1989 г. заслуживает полного цитирования:

«Если вначале ему казалось достаточным просто устранить различные недостатки советского образа жизни, то теперь он уже не сомневался в безусловной необходимости радикальной реконструкции всего общества. Подробного плана такой работы не было, да и не могло быть, но она никак не могла проводиться ни административно-командными методами советского прошлого, ни капиталистическими методами Запада. Такой процесс — перестройка — должен был занять „длительный период исторического пути социализма“, продолжаясь в XXI веке. Его конечной целью должно было стать создание подлинно „демократического и самоуправляющегося общественного организма“ вместо авторитарно-бюрократической системы, основанной при Сталине» (р. 188).

Конечно, это трезво-оптимистическое заключение также подверглось коррекции временем. «Командно-административные» методы хотя и не применяются уже в полной мере, все же не дают о себе забыть. Реакционеры в переделку не годятся, и это составляет проблему, хотя вероятно, и меньшую, чем полагают те, кто боится переворота. Становится все более ясным, что западные методы, обозначенные как «рынок», являются единственным выходом из экономического тупика. Однако болезненность их применения порождает страх, выраженный у масс в виде требований, чтобы реформа гарантировала

потребителю те же товары, что и при прошлом «общественном договоре», а наверху — в виде идеи «большой сделки» с Западом, в связи с чем весной и летом 1991 г. предпринимались робкие и неуспешные политические усилия. И нет никакой гарантии, что советское общество, более или менее убежденное, что старая экономическая система себя изжила и реанимации не подлежит, в то же время нравственно готово принять «справедливость» новой системы с большей конкуренцией, большим неравенством, большим риском. Сами понятия справедливости и «правоты» нужно пересмотреть в направлении прагматизма с учетом уроков демократических рыночных обществ, развивавшихся диаметрально противоположно 74-летнему советскому опыту. Уайт красочно демонстрирует хронику перехода от стагнации 1982-го к надеждам 1985—1986 гг., а затем, в свою очередь, ко всеохватывающему кризису 1991 г.

II

Во время дискуссии примерно двухгодичной давности в Гарвардском центре русских исследований, Татьяна Заславская вспоминала об административном «расследовании» по поводу утечки в западную прессу ее «новосибирского доклада» 1985 г., характеризуя это как «средневековую процедуру». Были выдвинуты все стандартные обвинения: слабый контроль за многочисленными копиями «секретного» документа, преступная халатность, а также использование документа «нашими врагами». Но система, по инерции возбудившая следствие, уже сама теряла энергию и доверие. Это подтвердилось, когда Заславская огласила такой доклад, хотя бы и в ограниченном собрании, а настоящего наказания не последовало.

«Новосибирский доклад» и еще восемь работ Заславской, датированных 1980—1987 гг. составляют «Голос реформы»; еще пять работ перестроечного периода плюс «эпилог» конца 1989-го составляют содержание книги «Вторая социалистическая революция». Они предлагают интеллигентную, трезвую критику системы - особенно неспособности политических институтов отреагировать на «человеческий фактор», возникший в результате многолетних изменений в квалификации, образовании, вкусах и ожиданиях советских людей. Одновременно в свете сегодняшнего кризиса выводы Заславской выглядят весьма осторожными. Возможно, слишком осторожными, хотя здесь и нет вины автора.

Основная часть этого материала теперь хорошо известна. Дискуссии о необходимости с помощью эмпирической социологии изучать, как же, собственно, «работают» экономика и само общество, перемежаются с описаниями того, как учреждения и формы практики, ведущие свою родословную из сталинской системы, приводили к результатам, отличным от ожидаемых: ситуациям, в которых советские граждане как производители и потребители постепенно освобождались от механизмов контроля и подавления. Завистливый эгалитаризм, отчуждение результатов труда от вознаграждения за труд (и, соответственно, демотивация усилий), диспропорции, связанные с непомерным ростом ценовых дотаций на фоне растущего дефицита, — таковы факты, из коих западные аналитики делают вывод, что система «общественного договора» между народом и властью более нежизнеспособна, и договор этот не соблюдается ни властью, ни народом².

«Вторая социалистическая революция» носит черты скорее специально написанной книги, нежели сборника работ, а также отпечаток беспокойного времени публикации. Она также свидетельствует о том, что Заславская все еще по-своему привержена «идее» (или идеалам) «социализма». По ее мнению, происходит вторая социалистическая революция, поскольку (здесь автор цитирует «многих историков», с которыми она, очевидно, согласна) социализм был сильно извращен вскоре после смерти Ленина.

«...контрреволюционный переворот произошел во второй половине 1920-х, вследствие чего строительство социализма, начатое ранее, сменилось деградацией социалистических отношений. Во времена Сталина, с их массовыми репрессиями и уничтожением миллионов людей, апелляция к целям и ценностям социализма была эффективным средством контроля за жизнью трудящихся, однако то был лишь фиговый листок, прикрывающий истинную суть режима. Короткая хрущевская „оттепель“ была неуклюжей и несостоятельной попыткой вернуть страну на путь социалистического строительства. С истори-

ческой точки зрения, все это было плохо подготовлено и имело слабые шансы на успех, хотя можно сказать, что без этого не было бы и сегодняшней перестройки. Последующий период застоя означал возврат на предыдущий путь деградации социализма. Пропагандистские измышления о том, что в середине 70-х годов в СССР было построено „развитое социалистическое общество" явились столь же лживым отражением реальности, как и тезис Сталина о построении социализма в середине 1930-х годов» (р. 11).

С общими заключениями можно согласиться, но против самоочевидности блага социализма необходимо возразить. Вместе с теми советскими аналитиками, которые наконец решились оспорить моральный статус и историческое значение ленинского переворота 1917 г. и большевистской революции, можно оспорить и логику, а также реализм утверждений типа «демократическое управление и открытость, свойственные социализму» (р. 26).

Но, конечно же, Заславская не считает, что СССР уже достиг какого бы то ни было социализма. Ее концепция такового плюралистична, милосердна и оставляет большое пространство для рынка (р. 13—14, 61—62). В ней много от западной социал-демократии. Но здесь же присутствует и теория «третьего пути» — альтернатива, которую нарастающий экономический кризис и даже сама структура мировой экономики, а также логика, на какое-то время, казалось, и впрямь, подтвердили. В любом случае в СССР необходимо создавать рыночную экономику и спрашивать сейчас, надо ли ориентироваться на американский или шведский идеал рынка и «потребительского общества», преждевременное и бесполезное — и для экономиста, и даже для политика³.

Нигде эта неутомимая исследовательница запущенных общественных явлений не проявила себя лучше, чем в концепции социальной структуры советского общества и интересов, определяющих (и разделяющих) поведение различных групп в условиях экономических перемен (р. 163—180). Слишком сложное, чтобы быть здесь описанным, исследование рабочего класса (который она делит на несколько групп) открывается подробным перечислением плюсов и минусов перестройки, какой она была в середине 1989 г.

«Перестройка экономики и общественно-политических отношений полностью в интересах рабочих. Они выигрывают от снятия официальных ограничений на сверхурочную работу, демократизации управления производством, более энергичного и эффективного решения социальных проблем, ускорения жилищного строительства, расширения прав рядовых работников в борьбе с формализмом и бюрократизмом и лучшего удовлетворения потребностей в товарах и услугах. Одновременно перестройка включает и некоторые отрицательные факторы для рабочих, о чем тоже забывать нельзя. Это рост цен на основные продукты питания и услуги и возможное повышение квартплаты за излишки сверх гарантированного минимума жилья и т.д. Целый комплекс проблем возникает также в связи с вероятностью безработицы. Закрытие убыточных производств и стремление многих предприятий обеспечить и увеличить выпуск продукции меньшим числом работников неизбежно приведет к увольнению некоторых из них. Это естественное следствие перестройки, «социальная цена», которую следует уплатить за ускоренное продвижение страны по пути преодоления своей отсталости» (р. 163).

Однако в действительности перестройка вовсе не начиналась с осуществления целостной программы. Сегодня вышеописанные «преимущества» остаются практически нереализованными, хотя рабочие стали смелее и активнее, а вот «отрицательные факторы» проявились в полной мере, причем повышение цен 1991 г. не смогло сбалансировать спрос и предложение, угрожает гиперинфляция, а проблема массовой безработицы в ближайшем будущем станет острее.

В целом анализ Заславской представляет собой размышления о том, как решить многочисленные социально-экономические проблемы, унаследованные Горбачевым, и широкий обзор вопросов экономической реформы рыночного типа, проводимой в условиях растущей и беспокойной политической активности в обществе, привыкшем к фальшивому «искусственному» консенсусу, к навязанному сверху единству. Но эта реформа откладывалась, нивелировалась компромиссами и не была реализована. Концовка послесловия 1989 г. содержит тревожную ноту, которая еще сильнее звучит теперь, когда происшедшие события дали для «беспокойства» дополнительные основания:

«Сегодняшние надежды сопровождаются значительной фрустрацией. Впечатляющие из-

менения на политической сцене совпадают с серьезным отставанием нашей экономики, с дефицитом бюджета, с нехваткой средств на социальные нужды и с развитием в обществе деструктивных процессов. Мы вступаем в самый сложный период перестройки — старые структуры разрушены, а новые еще не заработали. Жизнь становится все труднее. Все же большинство людей согласно с тем, что пути назад нет. Все, что мы можем сделать, — это собрать силы, чтобы встретить и преодолеть трудные времена. Другого пути действительно нет» (р: 226—227).

III

Два других коллективных труда: «Горбачев и будущее СССР» и «Горбачев и перестройка» предлагают комментарии опытных специалистов по целому ряду вопросов. Первый — сборник статей, изданный Лернером и Тредголдом, содержит взгляд на ранний опыт Горбачева до конца 1986 г.; второй, издания Хилла и Делленбранта — материалы конференции в Уппсале в мае 1987 г., а также некоторые статьи, написанные до лета 1988 г.

В книжке под редакцией Лернера— Тредголда представлен широкий круг материалов — от глобального предисловия Герберта Эллисона до глав по внутренней политике и экономике Арчи Брауна и Роберта Кемпбела, от статьи Александра Далина по американско-советским отношениям до статьи Даниеля Матушевского по национальному вопросу. Аналитические, написанные, в основном с позиции «выжидательного наблюдения», что, конечно, имело смысл в начале горбачевской эры, материалы в то же время дают оценку возможностей. Авторы сходятся в том, что Горбачев — совершенно особый лидер, и открывающийся политический курс способен радикально изменить направление развития СССР. Концовка статьи Эллисона наполнена довольно верным, как выяснилось теперь, предчувствием «скрытого» риска, свойственного начавшимся реформам. Это опасение по поводу ранних форм деспотизма заимствовано автором у Монтескье:

«Периодом наибольшей опасности для правительства, замышляющего и проводящего крупные реформы, становится самое начало — время, когда проявляются скрытые неурядицы и конфликты, когда существующая власть и имущественные права оказываются под угрозой, когда в ожиданиях подчас опасно обманываются, и тогда механизмы экономического, политического и общественного порядка сбиваются и даже отказывают, прежде чем установится новая система. Проплыть между скалами трудного и опасного периода — вот важнейшая проблема для Горбачева» (р. 20).

Действительно ли ожидания — хотя бы в материальной сфере — не оправдались именно в короткий период накануне спада и хаоса, отличающих советское общество сегодня, на этот счет можно поспорить, а вот что касается нынешнего развала старых механизмов управления, обгоняющего любые созидательные процессы данного периода, это точно. Осторожный тон многих статей был очень кстати в тот момент, когда «ставки» Горбачева росли — в силу неоднозначных причин — в западном общественном мнении. После прошедших событий даже эта осторожность выглядит излишне оптимистичной. Распад старых связей помог столкнуть плохо работающую экономику в окончательный, по-видимому, кризис; ослабление контроля Центра над республиками в сочетании с потоком различной информации и мнений благодаря гласности, создали картину того, что причудливо описывается у Матушевского как «последняя империя», конфронтующая со своей исторической судьбой.

«Если бы в один прекрасный день какой-нибудь советский лидер объявил, что все предыдущие революционные лозунги были недоразумением, что у советского государства на самом деле не было никакой исторической миссии, что советское государство было просто империей в традиционном смысле, немедленно в столице каждой республики было бы оспорено право Москвы на продолжение экономического, политического и культурного контроля над этой республикой. Такой контроль просто не пошел бы. Центробежные последствия такого шага были бы непредсказуемы» (р. 94).

На самом деле они предсказуемы — но не подконтрольны. Хотя подобных «объявлений» и не было, в остальном все обстояло именно так. Уже без всяких «особых исторических миссий» цель советского государства сегодня — вернуться в цивилизованный мир,

живущий по тем политическим и экономическим законам, кои она отвергла более 70 лет назад. Но в действительности это уже группа дочерних государств, пока неясно, скольких, которые выбирают разные пути, часто при неразрешенных исторических конфликтах и земельных спорах. Политического и территориального единства, которое мы знали со времени окончания Второй мировой войны, больше нет⁴.

Сборник Хилла — Делленбранта содержит различные толкования экономических, политических, правовых и др. вопросов в статьях Марго Лайт, Патрика О'Меара, Бо Гу-стафсона, Роберта Сервиса, Ларса Олсона, Эрика Аннерса и Юрки Ивонена. С позиций 1988 г. заключительная статья Хилла удачно выделяет проблемы горбачевских реформ, тогда еще представлявшихся попыткой выправить и очистить то, что называлось «социалистической системой», как считали не только аналитики, гадавшие, является ли Горбачев «внутрисистемным» реформатором или революционером, но и помощники выдающегося Генерального секретаря в партийной и государственной бюрократии.

«Возможно, для многих в аппарате, по признанию самого Горбачева, то, против чего он идет, — не просто коррупция или недостатки в управлении, но базовые принципы, которым они посвятили свою деятельность. Весь аппарат работал, исходя из того, что социализм включает государственную собственность на средства производства, детальное директивное планирование экономики из центра, контроль партии над всеми видами власти и ответственности (через систему номенклатуры), осуществляемый в режиме секретной и строгой дисциплины» (р. 209—210).

Сегодня можно признать, что именно это Горбачев и делал (правда, сомневаюсь, действительно ли он это «понимал»). «Атака сверху» на окопавшуюся бюрократию началась, видимо, с последней попытки «оживить» ее, но постепенный сдвиг экономической реформистской мысли в сторону рынка атаковал саму сущность бюрократии, а не просто ее коррумпированность и неэффективность⁵. Коль скоро Горбачев был ответствен за отсрочку структурной экономической реформы, неподчинение экономики его первым «командным» толчкам дало ему понять, что для наступления на экономическом фронте необходима политическая «демократизация», мобилизация доселе подавляемого потенциала. В результате началась «атака снизу» — на бюрократию, на различные бесплодные институты, а заодно и на самого Горбачева — со стороны антиреформистов. Горбачевское «балансирование» — политика пусть не принципиальная, но прагматическая (принципы не всегда по карману, особенно когда риск затрагивает будущее 300 млн.) — таков был хорошо ли, плохо ли организованный ответ на действия сил, ему уже неподконтрольных, обусловивших действия врагов как «слева», так и «справа»⁶.

IV

Предсказание, как заметил кто-то, дело трудное. Нам, советологам, приходится с этим согласиться: не следует удивляться тому, что реальные события обогнали всевозможные предсказания.

Последние пять—шесть лет, когда мы наблюдали крушение старой советской системы при очень грубом представлении о том, что придет ей на смену, идут вразрез со всем, что было до того. «Предсказывать» такие разрывы труднее, нежели преемственность. Если догорбачевская система и была чем-то примечательна, то лишь своей последовательностью, тупой, безнадежной преемственностью власти, постепенно деградировавшей, но страшно живучей и продолжавшей подавлять те социальные и экономические силы, что казались способными лишь в «далеком будущем» пересилить ее живучесть, если считать, что общество должно усиливаться с ослаблением государства.

Из этих шести лет можно извлечь уроки уже сейчас, другие нам придется извлекать в будущем. Наиболее очевидный из них — «роль личности»: в критический момент Горбачев диагностировал проблемы советского общества и стал соответственно действовать. Иначе действовали бы Гришин, Романов или кто-либо еще из Политбюро состава 1985 г. Это понимают даже наиболее прогрессивно ориентированные социальные и экономические силы. Но другой урок, на мой взгляд, не менее важный, состоит в том (и здесь нет противоречия с первым), что сейчас роль личности уменьшается. Едва освобожденные,

эти силы можно куда-то направить или приостановить, чтобы не вызвать хаоса. Однако, теперь, когда это зашло столь далеко, их уже не сдержать ни Горбачеву, ни другому лидеру. Снятие «крышки» — политический выбор, но любая попытка снова надеть ее — политическая фантазия.

Из этих уроков следует, что советская тоталитарная (или «посттоталитарная») система, существовавшая к началу 1983 г., скончалась. Исходя из этого, мы как исследователи, можем спросить, нужны ли нам концепции «групповой политики», «конфликта интересов» и другие, модные в прошлом, но мало подходящие к сегодняшним политическим процессам в СССР. Мы также можем спросить, в какой мере полезна при изучении этих процессов литература по «демократическим переменам», описывающая политические изменения в Южной Европе и Латинской Америке. Как бы то ни было, там политические переходы от авторитарной к демократической власти осуществлялись в условиях рыночной экономики (хорошей или плохой). На советской же сцене идет более драматическое продвижение к рынку и демократии общества, лишенного до сих пор и того, и другого.

Последний урок состоит в том, что необходимо продолжать задавать вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никто не утверждает, что политическое будущее окажется розовым, или что очень скоро установится политическая стабильность. Нужно лишь понимать, что процессы сепаратизма и экономического распада зашли слишком далеко, чтобы можно было реставрировать «старую» советскую систему. Общественное мнение при всех колебаниях по экономическим вопросам не оказало поддержки реакционерам на выборах. Я также не думаю, что реакционные силы способны успешно провести переворот и восстановить старую систему на большей части территории СССР.

² Как заметил недавно Петер Хауслоннер, когда Советский Союз входил в то, что потом назвали застоем, ни одна из сторон общественного договора — ни власть, ни общество — уже не выполняла своих обязательств. Власть не обеспечивала необходимых экономических улучшений и уровня жизни для удовлетворения скромных запросов людей, в свою очередь, общество, от интеллигентов до простых рабочих, усвоило стиль поведения, где было гораздо больше разгильдяйства и коррупции, чем профессионализма и усердия (см.: *Hauslonner P. Gorbachev's Social Contract // Soviet economy. 1987. V. 3. N 1*).

³ В мае 1991 г. при опросе в России, на Украине и в Литве, соответственно 36, 27 и 9% респондентов проголосовали за «более демократическую форму социализма» как свое желаемое будущее; «управляемый» капитализм «по типу шведского» получил поддержку соответственно 23, 26 и 38%; более чем 17, 23 и 29% выступили за систему «свободного рынка, как в США или ФРГ». Остальные опрошенные поддержали старую систему или не сформировали собственного мнения. Отчасти это, конечно, объясняется страхом перед «новым» — выбор «демократического социализма» может означать просто предпочтение безопасности при скромном достатке. Но дело в том, что экономический кризис зашел столь далеко, рекомендуемая «шоковая терапия» так долго откладывалась, что выбор «мягкой» шведской модели возможен лишь ценой угрозы рыночной реформе как таковой (см.: *Attitudes that Bear on Economic Reform in the USSR // Times Mirror Center for the People and the Press. 28.07.1991. P. 20.*)

⁴ Предсказать, какими будут последующие структуры, на мой взгляд, трудно. Формула «9 + 1» ничего не гарантирует: союз трех славянских республик с шестью, в основном, мусульманскими не выглядит ни особенно «естественным», ни слишком комфортабельным, кроме того, ситуация середины 1991 г. показывает, что Украина — очень крепкий орешек для пытающихся построить новый Союз.

⁵ Конечно, представляя политическую эволюцию брежневской эры в виде движения к «неотрадиционализму», можно утверждать, что коррупция как форма "дани" статусу партийного функционера, стала сущностью большей части аппарата (см.: *Ken Jowitt. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // Soviet Studies. 1988. V. 35. N 3.*)

⁶ Я принадлежу к тем, кто недоволен использованием терминов «правые» и «левые» для обозначения реакционеров и реформаторов в советском обществе, поскольку это делает «левых» сторонниками частной собственности и свободного рынка, как и демократической выборной системы. Но политика Горбачева встретила сильное сопротивление и тех, и других. Северин Билер первым решил обсудить в контексте реформаторского политического уклона Ельцина проблему отношений Горбачева с «левыми» (см.: *Bialer S. Yeltsin Affair: The Dilemma of the Left in Gorbachev's Revolution // Politics, Society and Nationality Inside Gorbachev's Russia. Boulder&London. 1989. P. 91—119.*)

Перевод с английского Л. В. СМЕРНОВА